

Марина СЕЕРОВА

САМЫЙ УСПЕШНЫЙ ПРОЕКТ ГОДА

*Веселый
кошмар*

ЧАСТНЫЙ ДЕТЕКТИВ
ТАТЬЯНА
ВАНОВА

Частный детектив Татьяна Иванова

Марина Серова

Веселый кошмар

«Научная книга»

2005

Серова М. С.

Веселый кошмар / М. С. Серова — «Научная книга»,
2005 — (Частный детектив Татьяна Иванова)

Частный детектив Татьяна Иванова случайно становится свидетельницей вооруженного нападения на ювелирный магазин. И это только начало... В городе вспыхивает самая настоящая война двух враждующих криминальных группировок. Но за всем этим стоит кто-то третий — именно к такому выводу приходит Татьяна в ходе своего расследования. Остается выяснить — кто?

Содержание

Глава 1. РАССТРЕЛ	5
Глава 2. СТАРАЯ ЗНАКОМАЯ	8
Глава 3. ЮВЕЛИР ШМУКЛЕР	11
Глава 4. А НЕ РАЗВЕЯТЬСЯ ЛИ МНЕ?	14
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Марина СЕРОВА

ВЕСЕЛЫЙ КОШМАР

Глава 1. РАССТРЕЛ

Ранним летним утром, когда солнечные лучи только-только пробились сквозь тьму короткой ночи, я вышла из своего подъезда и направилась к стоянке моего старенького «дрюшпака». «Дрюшпак» – это автомобиль модели «ВАЗ-2101». Этот «жигуленок» достался мне на время от одного приятеля, научного сотрудника, который уехал по контракту на полгода за рубеж. Високосный год стремительно ворвался в свой апогей, именуемый летом. Оно обещало быть жарким и удушливым. В такое время только бы на пляж, а тут мотайся по пыльному городу и обезвреживай адюльтеры, на которые так падки люди с большими деньгами.

Сегодня, однако, судя по духоте, будет дождь.

Бросив взгляд на лобовое стекло «жигуленка», я обнаружила отсутствие «дворников», то бишь стеклоочистителей. Это было крайне некстати. «Какого... какому... понадобились эти... „дворники“?!» – со злостью подумала я. Я посмотрела на небо, пытаясь еще раз оценить вероятность дождя. Вероятность была высокой. Достаточной для того, чтобы поехать в автомагазин и купить новые «дворники». Я знала, что на одной из тихих улочек в моем районе есть небольшая автолавка, услугами которой я периодически пользуюсь, дабы переводить свой «дрюшпак» из недвижимого имущества в состояние прямо противоположное.

Тут я увидела Николая Степановича, старика из соседнего дома, имевшего обыкновение разогревать свои дряхлые кости поутру. Кроме этих оздоровительных мероприятий, Николай Степанович с дотошностью бомжа исследовал близлежащие мусорные баки и вообще окрестности на предмет нахождения неких вещей, которые, как ему представлялось, могли бы пригодиться в хозяйстве. Он занимался этим несмотря на то, что жил с сыном, невесткой и внуком, и семья в принципе не бедствовала. Что ж, непонятные для меня, двадцатилетней вертихвостки, старческие причуды. К этому часу улов Николая Степановича был значителен. Большая брезентовая авоська доверху наполнена хламом – краем глаза я уловила торчащую из нее старую механическую мясорубку, пару дощечек и какие-то железки.

– Николай Степанович, доброе утро! Вы не знаете, какому придурку могли понадобиться «дворники» с моей автомашины? – не в силах скрыть раздражения, спросила я.

Николай Степанович бросил на меня елейный взгляд маленьких слезливых глазок и промолвил:

– Господи, милая! Сейчас в хозяйстве все сгодится. Вещь-то дорогая!

– Да ведь они же старые, резина вся потрескалась! Я давно собиралась их поменять. Но не в день, когда вот-вот хлынет дождь, черт побери!

– Беречь автомобиль надо, – назидательно изрек дедуля. – Купила бы гараж, вымыла бы машину, поставила как полагается... – Старик явно испытывал дефицит ушей для изливания в них премудростей, которые он, как ему казалось, накопил за свою жизнь, прошедшую в период усиленного строительства коммунизма.

Не давая шанса Николаю Степановичу продолжить свои рассуждения о бережливости и хозяйственности, я захлопнула дверь автомобиля.

Проехав несколько кварталов, я завернула на улицу Ванцовича (кажется, какой-то герой Гражданской войны) и припарковала машину напротив двери автомагазинчика.

Улочка постепенно оживала. За последние месяцы здесь открылись новые магазины и офисы небольших контор. Самой заметной на улице неизвестного героя битв прошлого была витрина нового ювелирного магазина «Светлана». Хозяева постарались – мраморные сту-

пеньки, дверь в евростиле, за стеклом витрины яркие безделушки и рекламная информация. Чего нельзя сказать об автомагазинчике – он находился в полуподвале. В свое время здесь был, кажется, пивбар.

Войдя в автомагазин, я почувствовала некоторое облегчение от духоты, царившей на улице. Здесь было прохладно и уютно. Я оглядела прилавки, забитые всевозможными запчастями, деталями и аксессуарами. На одном из прилавков я увидела морду. Она возлежала на грубых волосатых руках. Морда была с большими залысинами, одутловатая, с трехдневной щетиной. В данный момент морда выражала скуку и тупость. Владелец морды, продавец Гоша, увидев меня, слегка оживился. Это выразилось в том, что в его глазах появился какой-то интерес к окружающему миру. Интерес этот возникал у него всегда, когда он видел какую-либо особу женского пола. Лицо его тогда наполнялось благостью, начинался процесс слюноотделения, постепенно иницирующий некоторые другие процессы в организме. Этот незамысловатый механизм, видимо, в очередной раз запустился, когда я вошла в магазин.

Поскольку я была не худшим представителем прекрасной половины человечества, Гоша даже пошел на то, что решил меня поприветствовать.

Приветствие выражалось в том, что его морда медленно, словно под воздействием домкрата, начала подниматься над прилавком, являя мне принадлежащие ей сто двадцать килограммов одиночества и тоски. Тоску олицетворял огромный живот, который в конце концов занял место, которое ранее занимала морда.

– Ну что, милая, опять машина заломалась?

– Нет, какой-то козел «дворники» спер... Есть у тебя для «ноль-первой»?

– Все есть. У нас, как в Греции, – начиная улыбаться, ответил Гоша.

– Давай тогда парочку.

– Сейчас, сейчас, – проговорил Гоша, выходя из-за прилавка походкой пингвина, чуть было не обрушив на меня большую стопку автошин. – Может, еще что-нибудь купишь? – продолжал Гоша, пристально уставившись на мои нижние конечности.

– Нет, давай «дворники». Мне некогда, надо ехать и работать, – я не имела особой охоты разговаривать с этим не обремененным интеллектом грузным мужиком.

– Куда же ты спешишь, поговорила бы со стариком, – придвигаясь ко мне поближе, ворковал владелец автолавки.

Он на огромной (для его тела) скорости полметра в секунду шел ко мне, раздвигая руки для теплых объятий. Поскольку перспектива оказаться в объятиях этого потного индивидуума мне не улыбалась, я предостерегающе проронила:

– Но-но! Казанова! Иди работай! Забыл, чем все это кончилось в последний раз?

Гоша, мучительно стараясь побороть инерцию, стал затормаживать. Руки его обвисли, лицо начало терять оттенок благости. Он задумался, извлекая из своей памяти одну из наших первых встреч, когда я с помощью хорошего знания русского разговорного языка и приемов джиу-джитсу смогла быстро погасить его пыл. Покопавшись немного в запчастях, Гоша протянул мне пару стеклоочистителей и молча отправился назад за прилавком выбивать чек. Сдачу я милостиво оставила этому жирному плейбою на пиво.

Выйдя на улицу, я начала прилаживать к ветровому стеклу своего автомобиля купленные «дворники». В этот момент перед моей «ноль-первой» тихо остановилась белая «девятка», из которой вышли два высоких молодых человека, державшие в руках большие одинаковые пластиковые пакеты. Я мельком окинула их взглядом, продолжая свою работу. Молодые люди неспешно направились к ювелирному магазину. «Что-то рановато, ребята, за покупками», – подумала я. Тут меня прошиб холодный пот – молодые люди были в перчатках. В тот момент, когда я снова подняла взгляд на молодых людей, чтобы убедиться в этом, тишину улицы грубо разорвал треск автоматных очередей и звон осыпающегося стекла. Из ювелирного магазина, по которому стреляли киллеры, раздались вопли ужаса и отчаяния. Киллеры стреляли про-

фессионально, я бы даже сказала, небрежно, держа автоматы у бедра, – настолько они были уверены в себе.

Лоточники и прохожие застыли на своих местах, с ужасом наблюдая за происходящим. Взгляды их были абсолютно неподвижны. Полагаю, что многие видели подобные сцены наяву первый раз в жизни.

Расстреляв каждый по автоматному рожку, бандиты бросили оружие на асфальт и быстрыми уверенными шагами направились к автомобилю. «Девятка» со свистом в шинах стартовала с места и через несколько секунд скрылась за ближайшим поворотом. Вся сцена обстрела магазина заняла не более полутора минут, хотя было ощущение, что она длилась очень долго. Автоматически я запомнила номер уезжающей «девятки», хотя сразу же поняла, что это напрасный труд. Сработали профессионалы, и машина скорее всего была угнана специально для осуществления этой ужасной акции.

Глава 2. СТАРАЯ ЗНАКОМАЯ

Постепенно отходя от увиденного и пережитого, я почти на автопилоте направилась к ювелирному магазину. Видимо, я была первой, кто оправился от этого ужаса. Остальные еще продолжали являть собой восковые фигуры, правда, отнюдь не из музея мадам Тюссо. От витрины осталась только рама. Краем глаза я заметила, что маленький шустрый паренек направился к телефонной будке. Тем не менее я знала, что он не станет тем человеком, по звонку которого на место происшествия прибудет милиция. Телефон в этой будке не работал уже месяц.

Хрустя разбитым стеклом, я осторожно вошла в магазин. Первое, что бросилось в глаза, была фигура охранника. Он лежал у самой витрины с пистолетом в руке. Судя по всему, он так и не успел им воспользоваться. А исходя из того, что на голове и шее его зияли раны, ему больше не придется пользоваться чем-либо. Он был явно мертв. Рядом с ним с аналогичными ранениями лежала молоденькая девушка, видимо, продавщица. Скорее всего смерть настигла их в тот момент, когда они мирно беседовали, ни о чем не подозревая. Из-за прилавка доносились слабые стоны и всхлипы. Я заглянула за него и увидела там двух смертельно напуганных женщин. Одна из них показалась мне знакомой. В чем я убедилась, когда она стала подниматься с пола.

Это была Верка, торговка с вещевого рынка.

Она встала и обезумевшими глазами уставилась на меня.

– Ранена? – деловито осведомилась я.

Верка непонимающе смотрела куда-то в неведомое пространство.

– Ранения есть? Порезы, ушибы?

Она продолжала стоять как истукан.

– Да очнись же!

Спустя минуту после начала моего допроса Верка неожиданно проронила: «Не-а. А хрен его знает». Я поняла, что с ней все в порядке. Продавщица в отличие от Верки отходила медленнее, но и ее психическое состояние двигалось в сторону улучшения.

Неторопливо и занудно нарастал гул милицейской сирены. «Как всегда, вовремя», – подумала я.

Жизнь в магазине постепенно оживлялась. Из подсобного помещения показалось худое мужское лицо с провалившимися глазами (видимо, после вчерашнего). Человек испуганным взглядом осмотрел магазин. Увиденное впечатлило его, и он опять скрылся за дверью подсобки. Через некоторое время оттуда раздался его нервный голос, которым он по телефону докладывал кому-то о случившемся.

– Да, доторговалась... Ой... – начала причитать Верка. – Бляха-муха, чуть жопу не прострелили.

Видимо, эта часть тела была ей особенно дорога. Кроме того, ее габариты свидетельствовали о том, что в нее сложно было промахнуться.

– Суки, суки позорные, – реакция Верки нарастала, как волна морского прибоя.

– Успокойся ты, ведь все кончилось, – пыталась уговорить ее я.

– Какой хрен «успокойся»! Я на такое не подписывалась. Чуть жизни не лишили! Подработала, твою мать, – бушевала Верка.

Тут мое внимание отвлекли от красноречивой Верки наконец-то дружно подъехавшие три милицейские машины, из которых быстро выбежали милиционеры, с непонятно для чего обнаженными пистолетами. Большинство из них были одеты в бронежилеты. Стражи порядка довольно быстро и оперативно просочились в помещение магазина. Первым на дей-

ствия решился какой-то сержант кавказской национальности. Он подошел ко мне и потребовал предъявить документы. «Господи, началось!» – подумала я.

Затем последовал час разговоров с ментами различных уровней, интеллект которых от чина к чину неумолимо повышался, хотя и не столь бурно, как хотелось бы. Даже тупица Гоша дал свои показания. У него, оказывается, со слухом все нормально. Последним нас доставал подполковник из УВД, который также не баловал разнообразием вопросов. В шестой раз повторив описание событий, случайной свидетельницей которых оказалась, я попросила меня отпустить. Милиционеры внимательно записали мои данные. Я подписала обычные для таких случаев бумаги, после чего мне сказали, что завтра в 10.00 ждут моего появления в УВД, видимо, для того, чтобы я повторила свои показания в седьмой раз. Только записывать их будет уже следователь.

Я дождалась Верку, которая с большой охотой рассказывала о случившемся ментам, обильно сдабривая свой рассказ неформальной лексикой. Милиция, как мне показалось, благосклонно восприняла эти лингвистические экзерсисы.

Когда ее выпустили из подсобки, где производился предварительный допрос свидетелей, она уже почти отошла от ужасных впечатлений этого июньского утра.

– Ну что, – спросила Верка, – с тобой уже закончили?

– Да. А ты?

– Я тоже отстрелялась. Пойти нажраться, что ли? Нервишки в порядок привести...

Повинуясь какому-то внутреннему чувству, я поняла, что Верку из виду сейчас отпускать не надо.

– Тебе куда? А то я на тачке, могу подбросить.

– Никуда уже. Домой! Пошло оно все на хрен!

– Поехали, – и мы направились к моей автомашине.

По дороге Верка болтала без умолку. В основном это касалось пережитого. От Верки досталось всем: киллерам, ментам, продавцам, магазину, его хозяевам, его витрине, правительству, президенту, Центробанку и общему бардаку в стране.

– Надо же как меня подставили! Ты же знаешь, я в основном шмотки возила!

Да, я вспомнила, как мы с ней познакомились. Год назад, решив обновить свой гардероб, в том числе и нижнее белье, пострадавшее в единоборстве с одним не в меру горячим молодым человеком, я посетила центральный вещевой рынок города. Верка запомнилась мне разнообразием продаваемых товаров для женщин. Товары были среднего качества, но Верка обладала даром необыкновенной говорливости и умением довести покупателя до нужной кондиции. В этом она была виртуозом. Я думаю, что это ее жизненное призвание. Я периодически заходила к ней на рынок, кое-какие вещи она привозила мне на заказ. Она была одним из первых челноков в городе, людей, которые мотались в Турцию и наполняли российский рынок продуктами бурно развивающейся турецкой экономики. Вещи, входящие у нас в моду, первыми появлялись именно у Верки, которая продавала их намного дороже, нежели они стоили потом.

– Занималась бы шмотками и занималась. Я на одних бабах нехилые бабки делала, – сама того не понимая, скаламбурила Верка. – А тут подвинутили бизнес, твою мать!

– Какой бизнес? – следя за дорогой, равнодушно спросила я.

– Так, золотишком попросили помочь. Чуть не пришили, уроды!

– Слушай, а кому это было надо?

– А хрен его знает, кому. Конкурентам, наверное! Козлы вонючие! – снова ударилась в матерщину Верка.

Я не хотела форсировать события и решила выяснить подробности Веркиного бизнеса в более спокойной обстановке. Сегодня Верку лучше не трогать, все равно ничего особо полезного из нее не вытянешь. Напиваться с ней мне явно не хотелось и, высадив торговку около ее подъезда, я поехала дальше, разбираться в амурных делах жен «новых русских».

Мой клиент был типичным представителем этого племени, одним из тех, кто бизнес ставит выше всего. К вечеру, видимо, у него уже не было сил заниматься своей прекрасной половиной, и возбуждался он больше от деловых звонков по сотовому телефону, нежели от вида женской натуры.

Я «села на хвост» его благоверной примерно около 11.30 и затем в течение четырех-пяти часов повторила ее чуть ли не каждодневный маршрут. Мы посетили вместе шейпинг-центр, женскую баню, косметический салон, причем эти удовольствия для нас обеих оплачивались из одного кармана – кармана ее мужа. В 16.30 мы подъехали к общежитию политехнического института, из дверей которого к ней в машину прыгнул худенький мальчик цыганско-еврейской наружности. Сексуальные возможности его, судя по горящему взгляду юноши, были далеко не исчерпаны. Он являл собой полную противоположность лысеющему и полнеющему в прямой пропорциональной зависимости от роста своего капитала моего клиента.

Видимо, от полноты чувств и нетерпения благоверная бизнесмена так нажала на газ своего нового «Опель-Кадета», что я едва не упустила их. Благо, они профессионалами не были и не преследовали цель оторваться от «хвоста». Там была игра чувств. Мною же двигал холодный расчет. Я в конце концов догнала их на одном из перекрестков. Перекусив в баре, мои влюбленные отправились на конечный пункт своего назначения. На окраине города они остановились около новенькой девятиэтажки и зашли в однокомнатную квартиру на седьмом этаже. Они появились через два с половиной часа, с видом людей, скорее довольных жизнью, чем нет.

Мое осторожное общение с обитателями двора принесло следующие результаты: «Опель-Кадет» появляется здесь достаточно регулярно, примерно раз в три дня, в квартире постоянно никто не проживает.

Что ж, можно докладывать о результатах «рогатому» муженьку. Я заехала в его офис, уединилась с ним в его кабинете и сообщила точный адрес места, где происходит навешивание на его голову малоприятных утолщений. Не обращая внимания на залившееся красной краской лицо клиента, я потребовала гонорар, тут же его получила и откланялась. Пусть он сам разбирается в подробностях своей личной жизни. Уже в дверях я порекомендовала расстроенному клиенту не делать глупостей.

Глава 3. ЮВЕЛИР ШМУКЛЕР

Как это часто бывает со мной после серьезных переделок, пробуждение принесло облегчение. Всю ночь я ускользала на своей «ноль-первой» от трассирующих пуль киллеров, которые прошивали мою старенькую машиненку насквозь. Удивительно, но я почему-то оставалась целой и невредимой. Наконец случилось страшное: машина заглохла. Один из киллеров подошел ко мне, наставил на меня автомат, снял с лица солнцезащитные очки, и я с удивлением узнала в нем старичка из соседнего дома, Николая Степановича. Он пустился в извечные свои рассуждения о пользе экономии и бережливости. Каким-то невообразимым движением я вышибла из его старческих рук автомат и бросилась куда-то в придорожные кусты. За спиной через некоторое время раздался взрыв гранаты, а затем завывла милицейская сирена, которая плавно перешла в сигнал моего электронного будильника.

Почему я его не выключила? Ведь сегодня мне не нужно рано вставать. Вчера я закончила очередное, может быть, и не столь интересное, но зато денежное дело, а новых заказов пока что не поступало. Можно полежать, наслаждаясь своей безопасностью в собственной квартире, и поразмышлять о вчерашнем происшествии.

Что ж, событие для нашего города явно неординарное – такого жесткого наезда преступных группировок друг на друга я лично не помню. О том, что обстрел ювелирного магазина представляет собой эпизод войны преступных группировок, я не сомневалась. Магазин не так давно открылся, истинный хозяин скорее всего представитель преступного мира. Наступил кому-то на хвост, вот и нарвался... Но чтобы так круто? Не знаю, но ведь золото – не нефть, и даже не автомобили. Конечно, этот вид бизнеса тоже не назовешь убыточным, но чтобы убивать невинных людей, молоденьких продавщиц?

Авторитеты и раньше ссорились, но переговоры они проводили вдали от глаз горожан – на Молочной поляне. И уже там по утрам милиция находила трупы, в которых нередко узнавала тех, кого долго и безуспешно искала.

Что касается киллеров, то я уже пришла к выводу, что они были профессионалами: манера стрельбы, новая, скорее всего только что угнанная «девятка», хладнокровное спокойствие. Учитывая, что киллеры не старались скрывать лица, они люди не местные, и в городе их уже нет.

У знакомых оперативников я узнала, что «девятку» нашли в трех километрах от места события – киллеры, что называется, «скинули ствол» прямо под окнами городской прокуратуры. Это свидетельствовало скорее не о цинизме и не о наличии чувства юмора у киллеров, а об их профессионализме. Они понимали, что именно там их искать не будут. Никаких отпечатков пальцев, кроме принадлежащих владельцу машины, алиби которого достаточно быстро было выяснено, не обнаружили.

Итак, пока вырисовывается версия бандитских разборок за сферы влияния. Надо узнать ситуацию на городском рынке золота, провести, скажем так, мониторинг, пообщаться с Веркой. Кто же владеет достаточно полной информацией, кто будет готов ее мне предоставить без особых проблем и кто не станет задавать лишних вопросов? Покопавшись в своей памяти, в которой хранились досье моих многочисленных знакомых, я вдруг нашла ответ – совмещение всех вышеперечисленных качеств дает нам Изю, Изю Шмуклера, старого еврея, который по давней национальной традиции ремонтировал часы, зонтики, цепочки и всякое такое прочее.

Как только спасительная мысль об Изе пришла мне в голову, я легко поднялась с постели, прошла в ванную, приняла холодный душ, перекусила бутербродами с заветренной ветчиной, запила их чашечкой кофе и через полчаса была готова к выходу. В дверях я остановилась, сбросила туфли, прошла в комнату и захватила с собой «дворники» от машины, которые после вчерашнего инцидента предусмотрительно решила держать дома. Вещь-то в хозяйстве нужная...

Изя, как всегда, был в своем репертуаре. Где-то минут десять он обрушивал на меня бурный словесный поток рассуждений о жизни, о его личной неустроенности в ней, о том, как тяжело стало жить бедному еврею в этой стране. Справедливости ради стоит заметить, что за последние лет пять Изя значительно расширил свое дело (это к теме о бедности и тяжелой жизни). Он стал владельцем достаточно крупной ремонтной мастерской, в которой когда-то начинал свою трудовую деятельность скромным часовым мастером. Изя приватизировал ее два года назад.

Внешне повышение социального статуса на Изе никак не сказалось. По-прежнему нечищенные ногти, длинные, торчащие во все стороны волосы, которые он не слишком часто баловал шампунем «Head & Shoulders». Я давно хотела спросить, насколько дорога ему эта зеленая рубашка или у него их несколько одинаковых, поскольку возникало ощущение, что он вообще никогда не снимал ее. Насколько я знаю, зеленый цвет вряд ли можно отнести к национальной еврейской традиции. Скорее наоборот – это цвет их исторических противников – арабов.

Устав от его разглагольствований, я решительно сказала:

– Изя, ты, кажется, был мне должен!

Изино лицо сразу изменилось – я наступила на больную мозоль.

– Сколько? Когда это меня угораздило взять у вас взаймы? – удивился Изя. – Таня, у меня сейчас нет денег. Вы же понимаете, налоги, государство, рэкетиры, эти несусветные «крыши». Я совершенно не вижу денег, я все время их куда-то отношу. Господи, что может сделать бедный еврей в этой стране, что он может сделать?! Все только берут, берут и берут! – Изя говорил быстро, стараясь придать своему голосу убедительность. – Таня, у меня сейчас нет денег, но когда будут, я обязательно вам отдам. У меня даже не хватает на зарплату...

– Нет, Изя, если бы речь шла о деньгах, все было бы гораздо проще. Речь идет об услуге, которую я тебе оказала полгода назад и которая, кажется, сэкономила тебе кругленькую сумму, – прервала я его нытье по поводу мнимого безденежья.

Я имела в виду случай, когда через своих знакомых в органах сумела отмазать Изю от наездов какого-то заезжего лоха, который требовал от «бедного» иудея деньги.

Кстати, насчет нехватки денег на зарплату. Почти все сотрудники его мастерской приезжали на работу на собственных автомашинах. Видимо, они были неплохо обеспечены и работали на Изю, только исходя из альтруистских соображений.

– Таня, если вы действительно нуждаетесь, я могу вам выделить некоторую сумму, оторвав ее от моей семьи... – как бы не слыша меня, продолжал Изя.

Что касается семьи Изи, то она год от года становилась все многочисленнее. Кроме виртуозных рассуждений о превратностях жизни, которые он в основном практиковал днем, ночью Изя, видимо, был мастером несколько другого жанра. Из пяти его детей только трое могли считаться официальными отпрысками, однако всех пятерых он любил горячей отеческой любовью.

– Нет, Изя, деньги мне не нужны. Мне нужны идеи.

– О, идеи! Я подарю их вам великое множество. Вот, например, есть идея великолепного бизнеса. Вы покупаете акции предприятия «Черноморсквольфрам» на бирже, несете их в фирму «Урал-инвест» и на ровном месте получаете двадцать процентов...

– Изя, Изя... Все гораздо конкретнее. Мне нужна информация об уже существующем бизнесе. Выгодно ли торговать золотом в нашем городе?

– О, несомненно, этот презренный металл во все времена и повсеместно пользовался спросом. Золото – оно как пиво.

– Изя, мне надо знать, кто контролирует продажу золота в городе. Ты наверняка в курсе и дашь мне эту информацию. И не надо мне вешать лапшу на уши, я уже устала снимать ее оттуда.

Изино лицо вдруг стало задумчивым и отрешенным. После минутного раздумья он вдруг понял, что дать мне информацию о золоте все равно придется. Он положил на стол тряпку, которую мял в руках в течение всего нашего разговора, и сказал:

– Пойдемте, Таня, выпьем кофейку в моем, как это теперь модно выражаться, офисе.

Офис Изи представлял собой маленький чуланчик под лестницей. Окон там не было, висела лампа дневного света. Площади этого офисного помещения едва хватало на то, чтобы втиснуть туда старинный столик с деревянными ножками и два стула производства Ленинградской мебельной фабрики, которыми в застойное время были укомплектованы почти все конторы средней руки в Советском Союзе.

Изя включил чайник и стал извлекать из портфеля бутерброды. Один из них, на мое удивление, был с салом.

– Кошерное? – иронично улыбаясь, спросила я.

– Таки да, – ответил Изя и поведал мне историю об одном еврее, достаточно известном в нашем городе. Он поссорился со старостой синагоги, который слыл большим ортодоксом, и, чтобы тому досадить, принес в синагогу сало и демонстративно начал его там жрать.

– О времена, о нравы! – вздохнув, окончил свой рассказ Изя. – Чтобы еврей, в синагоге, сало... Вы можете себе представить это, Таня?

– Могу. Однако к делу, Изя.

Изя еще раз печально вздохнул, закрыл глаза, откусил бутерброд с кошерным салом и начал:

– Изя знает, Изя скажет вам, но вы должны обещать мне, что все останется между нами.

– Можешь не тратить время на подобную ерунду. Давай рассказывай! – отрезала я.

После этого Изя собрал свои мысли в порядок и в течение пятнадцати минут в точных и скупых фразах сообщил мне все о состоянии золотого рынка в городе. Из его рассказа следовало, что в основном золото продается через сеть больших универмагов под общим названием «Владислава» и контролируется группировкой г-на Силантьева Алексея Семеновича, который больше известен как вор в законе по кличке Силай. Однако в последнее время начали открываться небольшие ювелирные магазинчики, сбивающие цену на золото. Если в универмагах продается отечественное золото, то конкуренты используют зарубежные каналы, в частности, Турцию.

– Кто же контролирует эти маленькие магазины? – спросила я, хотя уже практически знала ответ.

– Полагаю, конкуренты. Кто может конкурировать с мафией? – риторически спросил Изя. – Только государство или другая мафия. Поскольку речь о государстве здесь не идет, то логично предположить, что это кто-то из других авторитетов преступного мира.

– Цигурик, что ли?

– Все очень может быть, – уклончиво протянул Изя. – По-моему, они с Силаем не очень симпатичны друг другу...

Да, о нарастающем противоречии внутри преступного мира города Тарасова давно уже ходили слухи.

Я посмотрела на часы. Что ж, пора в УВД, рассказывать еще раз о том, как вчерашним душным утром был хладнокровно обстрелян ювелирный магазин. Простившись с Изей и так и не допив его кофе, я вышла на улицу и направилась к телефону-автомату.

Решение созрело само собой. Мне захотелось позвонить Верке, телефон которой я вчера у нее взяла. Верки дома не оказалось, видимо, она снова торговала на рынке своими шмотками. И я решила после визита в УВД заехать на рынок.

Глава 4. А НЕ РАЗВЕЯТЬСЯ ЛИ МНЕ?

Следователем по делу о расстреле магазина был назначен Александр Александрович Купчак, или, как его любовно называли коллеги, просто Купа. Сей служитель закона отличался от других собратьев по УВД багровой борцовской шеей, большой любовью к поглощению пищи и рекордным количеством «висяков». За несколько лет пускай и редкого общения с Купой я поражалась его возможности обжираться везде и всегда. Видимо, как сказал бы один мой знакомый интеллеktуал, это было нечто синдромальное.

Он постоянно что-нибудь жевал. Его портфель был набит несметным количеством бутербродов, которые запихивала туда его жена, выпроваживая мужа на работу. Служба Купе не очень удавалась, но продвижение по службе заботило его мало, он жил в согласии с окружающим миром и своим желудком. Что касается мира, то Купа удовлетворял этот мир своим олимпийским спокойствием, а желудок – понятно чем. Вот и сейчас, когда я вошла в его кабинет для дачи показаний, он только что изволил отобедать.

– Ну, садись, расскажи, что видела, что знаешь? – предложил Купа.

– Да я уже десять раз все это рассказывала, – возразила я.

– Я-то не слышал! Вот мне сейчас и расскажи, – невозмутимо парировал Купа.

Я вздохнула и начала говорить. Спокойно и умиленно Купчак мелким круглым почерком записывал мои показания на бумагу, периодически прерывая это занятие смачной отрывкой. Надо сказать, что это выходило у него весьма гармонично. Однако, когда он в очередной раз освежил кабинет отнюдь не ароматным выдохом, я не выдержала.

– Да-а-а, – тихо протянула я. – Ну, вы и даете, Сан Саныч...

– Что? – непонимающе поднял на меня глаза Купа.

– Вы хоть бы во время допроса не рыгали! От шампанского, небось...

– Нет, Танечка, я на работе не пью. Это пища, видать, некачественная попалась, – обиженно произнес Купчак.

«Плохому танцору, как известно, всегда что-то мешает, – подумала я. – Лучше бы ты пил!»

– А что вы сами думаете насчет вчерашнего дела, Сан Саныч? Кто, по-вашему, стрелял-то?

– Кто же тебе сейчас скажет, – флегматично ответил следователь.

– Как же, ведь в городе еще такого не было.

– То ли еще будет, – философски заметил Купчак, неимоверным усилием воли подавив на этот раз отрывку.

Видимо, обильная пища столь бурно и активно бродила в большом теле господина Купчака. Момент окончания допроса я сочла за счастье. Слава богу, что я не дождалась других проявлений пищеварительного процесса, сопровождающихся совсем уже неприличными звуками.

«Господи, нашли же кому поручить это дело», – подумала я, выходя из кабинета Купчака.

– Татьяна, привет! – Я обернулась и увидела улыбающегося высокого светловолосого парня. Это был лейтенант Милешкин, мой давнишний знакомый.

– Привет, Сергей! – в тон ему ответила я.

– Ты чего это к нам?

– Да вчера угораздило попасть на место обстрела ювелирного магазина. Прямо как в кино.

– Так это ты там была, раньше наших?

– Да, вот теперь хожу даю показания, достали уже. Не было печали, что называется... От одного вашего Купы уши в трубочку свертываются... Нашли кому доверить дело! Следовательно нормальных, что ли, у вас уже не осталось?

– Да какое там дело, так, обычная мафиозная разборка, – тоном знатока успокоил меня Сергей.

– Обычная? Нет, Сережа, такого еще не было. Зачем так наезжать? Они что, охренели?

– Цигурик с Силаем что-то не поделили. А почему так круто – ну я в их мозги не влезаю. У меня и так куча проблем. Зарплату вот опять задерживают.

– Почему ты считаешь, что это Силай с Цигуриком? – прикинувшись непонимающей, спросила я.

– А у нас в отделении все так считают, – охотно поделился со мной Милешкин. – Они давно соперничают. То один автостоянку откроет, то другой. Вот и досоревновались, бизнесмены с большой дороги.

– Улик-то никаких, наверное, а, Сережа? – меня начал раздражать резонерский тон лейтенанта.

– Какие там улики! За улики нужно задницу на британский флаг рвать, а нам больших денег не платят. Да и те маленькие, которые платят, задерживают. Я же тебе говорил! А у нас это дело скорее всего заберут – РУОП им занялся. Говорят, уже вызывали для бесед и Цигурика, и Силая. Ну ладно, пока, мне пора, – и Сергей, пожелав мне успехов, завернул в свой кабинет.

Направляясь к вещевому рынку, я думала о Цигурике и Силае, об их противостоянии. Оно то затухало, то обострялось, но таких форм не принимало еще никогда. В отличие от сотрудников милиции, которые почему-то не видели в этом факте ничего сверхъестественного, я решила, что все тут не так просто.

А не развеяться ли мне – пришла в голову шальная мысль. Сгонять в Турцию, привезти пару-тройку килограммов золотишка, попробовать здесь его пристроить, выяснить ситуацию. В этом матерщинница Верка могла оказаться полезной мне...

Насколько я поняла, Силай давно контролировал золотой бизнес, и пускай у Цигурика вполне конкурентные цены, на мой взгляд, особых резонов будоражить преступный мир не было. Хотя я пока многого не знаю. Разумеется, вскрыть адюльтер – дело техническое, рутинное, особых напряжений мысли не требует. А здесь надо поработать головой.

Верку я нашла в привычном для нее месте. Она доводила до кондиции очередную покупательницу. Наконец покупательница расплатилась за блузку, которая, на мой взгляд, шла ей, как корове седло. У Верки, правда, на этот счет было другое мнение, и я подумала, что если я сейчас примусь разубеждать бедную женщину, она мне не поверит – настолько убедительна была Верка. Покупательница ушла, очень довольная собой и своей покупкой.

– Привет, – сказала я Верке.

– Здорово, коль не шутишь, – грубовато отозвалась она. – Что, опять трусы износила? Или кобели поганые порвали?

– Развалились те, что я у тебя последний раз покупала! – в ее стиле ответила я.

– Это смотря как и кому давать! – не осталась в долгу она.

– А я думаю, что это зависит от темперамента индивидуума, – применила я почти что ругательные в рыночной среде слова.

Верка подумала, видимо, пытаясь уловить смысл сказанного, и вдруг бросила:

– Хрен его знает, этот твой темперамент, с виду бывает тихий-тихий, а в штанах – во! Да это-то ладно, а то попадется такой, что бац – и всю одежду изорвет!

– Нервничает, что ли?

– Быстрее добраться хочет, – захохотала она.

Я начала понимать, что, если я не прекращу эти взаимные приколы на сексуально-бытовые темы, Верка меня заболтает и дело закончится очередной покупкой ненужной вещи.

– Ты, я гляжу, отошла после вчерашнего? – спросила я ее.

– Отошла. Мне нюни распускать некогда, торговать надо.

(Да уж, надо было видеть вчера ее лицо!)

– Верка, у меня к тебе дело, – сказала я.

– Давай валяй! Есть блузки, юбки...

– Нет, я не об этом, – прервала я. – Мне, знаешь, на чужого дядю надоело работать, хочу сама раскрутиться. Возьмешь меня с собой в Турцию? Одна я не хочу ехать, первый раз, ничего не знаю и все такое. Ну так что, возьмешь?

– На хрена ты мне там сдалась?

И после некоторой паузы спросила:

– И что я с этого буду иметь?

– Тут один мужичок знакомый магазины новые открыл. Туда шмотки привезти можно, на реализацию сдать.

– Ну давай я и привезу.

– Ты свое вези, а я свое. У него секция тканей хорошая. Слыхала я, что в Турции ткань неплохая – шелк, креп-сатин... А ты бы могла ему шмотки пихнуть.

– Да? – недоверчиво спросила Верка. – Это надо обмозговать. Говоришь, можно сдать-то? – уточнила она.

– А почему нет? Я – ткань, ты – шмотки. Да и просто так, съездить куда-нибудь хочу, развеяться. Тут вон стрелять начали...

– Да уж, не говори! А что развеяться – так это не рассчитывай!.. Навкалываешься как лошадь, рада не будешь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.